

И. Князев, О. Строгов

Классы в постиндустриальном обществе

2010 г.

I

В настоящее время в коммунистических и, если взять шире, в марксистских кругах можно наблюдать некую идеологическую растерянность. Теория Маркса — Энгельса — Ленина перестала совпадать с практикой, или, если угодно, повседневная практика коммунистических и других левых партий не дает того эффекта, который предсказывает теория. Нищета и беспредел 90-х не породили сколь либо масштабных попыток сопротивления рабочего класса, а отдельные отчаянные попытки, вроде перекрытия Транссиба в 1998 г., легко подавлялись умеренными репрессиями и безграничными посулами. В 2000-х практически исчезли даже такие вспышки, зато вера в «доброе царя» продолжает гореть неугасимым пламенем. Крупной протестной акцией стала считаться та, которая собрала несколько сот человек. Результаты коммунистов на выборах также далеки от таких, которые позволили бы реально влиять на политическую ситуацию.

Как следствие, пышным цветом расцвела «теория заговора» с неизменными атрибутами в виде масонов, теневого всемирного правительства и зловещего Бильдербергского клуба. Болезнь зашла настолько далеко, что упомянутые персонажи прочно прописались в работах некоторых ключевых фигур Коммунистической партии, например, В. С. Никитина (см.: В. С. Никитин, «Заговор против человечества»). Налицо нечто вроде возвращения к доисторическим временам, когда неумение объяснить природные явления порождало веру в сверхъестественные силы.

Очевидно, необходимы серьезные интеллектуальные усилия, чтобы разобраться в накопившихся проблемах марксистско-ленинского учения. К сожалению, до сих пор отечественная коммунистическая мысль подходила к этому вопросу слишком осторожно, пытаясь не столько найти истину, сколько не поцарапать наведенную на марксизм полировку. Неприемлемость подобной осторожности становится все очевиднее с каждым годом, который отделяет нас от крушения СССР. Чтобы почувствовать под ногами твердую почву, коммунистам необходимо вновь ответить на те же вопросы, которыми задавались Маркс, Энгельс и Ленин применительно к современному им обществу. Каковы сейчас

производительные силы и производственные отношения? Какие классы существуют в наше время и какие из них можно считать передовыми? В чем состоит сегодня конфликт между передовыми эксплуататорами и передовыми эксплуатируемыми? Какие формы может принять этот конфликт? При этом надо уделить особое внимание тем явлениям и процессам, которые не могли быть описаны классиками марксизма-ленинизма, так были при них слабо выражены или отсутствовали вовсе.

II

Начнем, как и требует от нас исторический материализм, с производительных сил. Оговоримся сразу, что мы будем исследовать, в основном, наиболее развитые страны, такие как США, Япония, страны Объединенной Европы и др., находящиеся в авангарде исторического процесса. С некоторой натяжкой и, в первую очередь, на правах наследования Советскому Союзу, к таким странам можно отнести и Россию. Общепринятым (но не в отношении СССР и постсоветских государств) является взгляд, согласно которому в передовых странах сформировалось постиндустриальное общество, пришедшее на смену индустриальному, то есть основанному на господстве крупного промышленного производства. Мы полагаем, что к постиндустриальному обществу может быть причислен и СССР, так как количество компьютеров на душу населения не является критерием в этом вопросе. В постиндустриальном обществе не происходит, как это часто, но неверно, изображают, снижения значимости классической индустрии (энергетики, металлургии, транспорта). Наоборот, идет постоянное количественное наращивание этих отраслей и усовершенствование используемых ими технологий, но все изменения сопровождаются и определяются ростом информационных потоков в виде научных исследований, внедрения автоматизированных систем управления технологическим процессом, развития инфраструктуры связи и передачи данных и т. п. В общем, постиндустриальное общество — это общество, в котором основой производства, обмена и потребления является информация, а не предметы. Учитывая, что вся экономика СССР строилась по принципу централизованного управления на основе обработки огромных (по

тем временам) информационных потоков, Советский Союз должен быть причислен к постиндустриальным странам и все сказанное ниже может быть в полной мере распространено и на него.

Итак, абсолютно все, с чем мы сталкиваемся в постиндустриальном обществе, перенасыщено информацией, хотя мы не склонны обращать на это особого внимания. Посмотрим на такой типичный товар информационной эпохи, как компакт-диск. С точки зрения производителя, для его создания потребовалась информация в виде всех достижений микроэлектроники, квантовой теории и робототехники. С точки зрения потребителя, диск нужен как носитель информации, на нем записанной. А торговец увидит за компакт-диском лишь информацию, заключенную в цифрах на ценнике, но это будет огромный массив предсказаний, анализов и надежд, на которых весьма шатко держатся курсы денежных единиц.

Разумеется, и в индустриальном обществе были товары, сводимые к информации — например, книги, газеты, услуги справочных служб и т. п. Но в постиндустриальном мире количественное увеличение доли таких товаров привело к качественному изменению состава совокупного общественного продукта.

Вторым, после всеобщей информатизации, отличием постиндустриального общества от предыдущих социумов является его сравнительная зажиточность. Объем благ, доступных среднестатистическому гражданину развитой страны, во много раз превышает уровень начала 20 века даже в постсоветской России. Практически удовлетворена потребность в абсолютно необходимых вещественных благах — пище, одежде, жилье, возможности перемещения, медицинском обслуживании и определенном уровне образования, то есть в тех благах, которые до сих пор были основным предметом внимания экономики и политэкономии. Однако, чем выше уровень благосостояния общества, тем большую роль в его жизни играют блага другого рода — информационные и этические. Информационные блага — это возможности человека по потреблению информации, потребность в информационных благах является неотъемлемой чертой человека постиндустриального общества. Этические блага можно в первом приближении определить как признание ценности индивида со стороны

общества. Сюда относятся и похвала послушному ребенку, и звание Героя Советского Союза, и возможность в полной мере реализовать свои способности. В мотивации современного жителя развитых стран этические факторы играют значительную роль.

Этические блага в силу своей сути имеют относительный характер. Если похвалили всех, то не похвалили никого. Если все вокруг Герои СССР, то это звание утрачивает ценность. Сделанное человеком, сколь бы велико оно не было, всегда меньше того, что он мог бы сделать, если бы не объективные и субъективные ограничения. В общем, этических благ никогда не бывает много, по мере умножения они начинают меньше цениться, девальвируются. То же самое можно сказать про вещественные и информационные блага — после насыщения черным хлебом мечтается (не всем, но очень многим) о фазане под изысканным соусом. А когда уже и фазан в глотку не лезет, хочется, чтобы он был подан на золотом блюде. К вкусу это ничего не добавит, но зато подчеркнет особое положение едока. Произойдет конвертация вещественных благ в этические. Собственно, это и наблюдалось в СССР, где играли в футбол горбушкой хлеба, но отчаянно завидовали соседу, облаченному в джинсы с фирменной наклейкой.

На основании подобных наблюдений можно сделать вывод, что информационные и этические блага столь же материальны, как и вещественные, поскольку производятся и потребляются людьми и всегда присутствуют в обществе в ограниченных количествах. Поэтому в дальнейшем под материальными благами мы будем подразумевать совокупность благ всех видов и иметь в виду, что потребность в них всегда будет превышать имеющиеся возможности общества из-за явления конвертации.

Третьей особенностью постиндустриального общества является непрерывно возрастающая роль социальных групп, связанных с производством и обработкой информации. Таких групп можно выделить четыре. Это производители информации как завершеного товара; производители нетоварной информации, производители информации, используемой для производства других товаров и, наконец, производители информации, используемой для производства рабочей силы.

Говоря о социальных группах, мы имеем в виду не собственников средств производства (буржуазию или государство), а непосредственных работников — производителей информации. Каждая из групп, в свою очередь, распадается на несколько подгрупп. В первую очередь это относится к первой группе, крайне неоднородной. В нее входят, например, писатели, журналисты, ученые гуманитарных и естественных специальностей, телевизионщики, юристы, всевозможные консультанты, создатели рекламы, разработчики непроектируемых информационных продуктов... список можно продлевать практически бесконечно. Наиболее сплоченными и влиятельными подгруппами здесь будут сотрудники средств массовой информации, религиозные организации и, в некоторых странах (например, в США), юристы. Поскольку основное назначение «чистого» информационного товара состоит в установлении некоей связи (интеллектуальной или эмоциональной) между его создателем и потребителем, эту социальную группу мы будем называть «коммуникативной». Коммуникативная группа, в основном, удовлетворяет потребность общества в информационных и этических благах.

Под нетоварной информацией мы подразумеваем, в первую очередь, информацию управленческую. Принятие решений, определяющих функционирование общества, базируется на переработке огромного объема информации. Этим занимается хорошо всем знакомая и очень нелюбимая социальная группа чиновников, или бюрократов. Мы предпочитаем последнее название, лучше отражающее наличие реальных рычагов власти, поэтому и будем называть вторую группу «бюрократической». Необходимо сразу же подчеркнуть, что бюрократия существенно обширнее государственного аппарата, с которым ее обычно ассоциируют. На каждом предприятии, в каждой организации есть свои бюрократы, занимающиеся только принятием решений и обоснованием, почему эти решения являются наилучшими или, на худой конец, единственно возможными в данной ситуации. Эта бюрократия, именуемая в дальнейшем «корпоративной», сравнима с государственной как численно, так и по влиянию на положение дел в обществе. Таким образом, кроме своей собственной социальной группы, бюрократы присутствуют и в других. Бюрократ может числиться кем угодно — ин-

женером, учителем или журналистом, но во всех случаях для него управленческая работа преобладает над специальностью. Поэтому, говоря о бюрократической социальной группе, мы в дальнейшем будем относить к ней всех бюрократов независимо от их формальной профессиональной принадлежности.

Третья социальная группа состоит из ученых, инженеров и наиболее образованных рабочих и техников, для которых информация является промежуточным звеном для производства вещественного продукта. Не будет преувеличением сказать, что труд этой группы обеспечивает господство человека над природой путем ее непрерывного познания и преобразования на основе полученных знаний. Начиная с 19 века, технический прогресс решающим образом определяет положение стран в мировой иерархии. Совершенно очевидно, что социальная группа, в дальнейшем именуемая «научно-технической», является основой современных производительных сил.

Четвертая социальная группа превращает ребенка, сразу после рождения мало отличающегося от звериного детеныша, в полноценного члена общества, в минимальную производящую единицу. Не отрицая роль семьи, обобществление производства приводит к необходимости своеобразной «поточности» и «индустриализации» этого процесса с выделением человекообразующих профессий во влиятельные корпорации. По мере развития производительных сил значение квалификации и творческих черт личности работника постоянно возрастают, а вместе с ними растет и значение развивающей их группы специалистов, которую мы будем называть «гуманитарной».

Что объединяет «информационные» группы? Характер труда. Можно утверждать, что весь их труд умственный и имеет творческий характер, то есть процесс труда требует постоянного принятия решений, а конечный результат зависит от их правильности. Но виды труда существенно различаются. У чиновников, учителей, работников СМИ труд сложный, что «означает только возведенный в степень или, скорее, помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого» («Капитал», т. 1). А вот писатели, ученые, инженеры и врачи заняты всеобщим трудом. «Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изо-

бретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников» (оттуда же). Это различие подчеркивается нами не для того, чтобы как-то противопоставить сложный труд всеобщему, а с целью лучшего понимания читателями дальнейшего изложения.

III

Что представляют собой «информационные» группы в классовом отношении? Самым распространенным заблуждением на их счет является отнесение всех информационных работников к пролетариату. Заблуждение это настолько прочно укоренилось в современной марксистской мысли, что на страницах коммунистической печати и даже в материалах съездов Коммунистической партии замелькал некий «офисный пролетариат» (?!). Источник заблуждения очевиден — он состоит в явном или неявном отождествлении наемных работников с пролетариатом. Но это, конечно, не так. Если рассмотреть реальный, исторический пролетариат, то можно составить его точный «социальный портрет»:

- 1) во-первых, пролетарий — это наемный работник;
- 2) во-вторых, пролетарий является создателем стоимости товара;
- 3) в-третьих, эту стоимость пролетарий создает непосредственно, то есть он прикладывает свой труд к каждой создаваемой единице товара;
- 4) в-четвертых, пролетарий является источником прибавочной стоимости.

Попробуем применить все эти критерии к каждой из «информационных» социальных групп. С первым критерием — работой по найму — все в порядке, так как ему удовлетворяют все четыре группы. Исключения могут встретиться только в коммуникативной и гуманитарной группах в виде писателей, консультантов и т.п., самостоятельно работающих на информационный рынок, а также врачей и педагогов, занятых частной практикой. А вот со вторым критерием уже возникают проблемы — бюрократическая группа не производит товарной информации и, соответственно, не является в полной мере пролетарской. Для государственной бюрократии это очевидно, а смысл деятельности бюрократа на производстве заключается не в производстве стоимости, а в интенсификации производства стоимости другими работниками. Оставшиеся группы соответ-

вуют требованию, их труд образует стоимость или часть стоимости товара (необходимо помнить, что для гуманитарной группы производимым товаром является рабочая сила).

Стоимость, производимая научно-технической группой, принципиально не может быть рассчитана в силу особенностей всеобщего труда. Поэтому оценка стоимости, созданной ученым и инженером, всегда будет иметь элемент произвола. Существующая практика определения трудозатрат на выпуск научной и технической документации путем подсчета количества листов с последующим умножением на различные коэффициенты не может вызвать ничего, кроме грустной улыбки. Фактически, в этой схеме к всеобщему труду применяется методика оценки сложного труда, что совершенно не корректно. То же самое можно сказать и о труде гуманитарной группы. Труд врачей всеобщий и к нему применимо все, что сказано в отношении научного и инженерного труда. Труд учителя сложный, но вычислить созданную им стоимость, иначе говоря, вклад учителя в стоимость рабочей силы, очень непросто. Настолько непросто, что на практике стоимость образованной рабочей силы ставится в зависимость лишь от формальных факторов — престижности оконченного учебного заведения, наличия ученой степени, обладания премиями и наградами и т. п.

Третьему критерию не удовлетворяют сразу две группы — бюрократическая и научно-техническая. Бюрократ не может создавать стоимость непосредственно, так как не создает ее вообще, а ученые и инженеры производят информацию, которая обычно применяется не к данному конкретному изделию, а к целой серии или даже ко всей техносфере в целом. Таким образом, научно-техническая группа также выходит за рамки пролетариата.

Самое интересное нас ждет при анализе четвертого критерия. Ему не соответствует в полной мере ни одна социальная группа! Говорить об извлечении прибавочной стоимости можно только применительно к наемным работникам коммуникативной группы, а мы уже говорили, что в этой группе есть и «единоличники». Бюрократы не производят прибавочной стоимости, так как вообще ничего не производят. А для труда ученых и инженеров прибавочная стоимость может существовать, но принципиально не может быть определена из-за невоз-

возможности, как мы говорили выше, вычислить создаваемую стоимость. Соответственно, невозможно вычислить и цену выпускаемой продукции, так как на капиталистическом рынке товары обмениваются в среднем по их стоимостям. Поэтому широкое насыщение производства научным и инженерным персоналом и более высокая, по сравнению с рабочими, оплата его труда могут быть выгодны только в том случае, если кроме прибавочной стоимости имеется какой-то другой способ превратить умственный труд в прибыль.

Аналогичная ситуация имеет место и применительно к гуманитарной группе. Труд врачей и педагогов вынесен за пределы процесса создания вещественных ценностей, но можно рассмотреть специфические производственные процессы в виде оказания услуг по лечению больных в поликлинике или обучению детей в школе. Если эти услуги платные, то владелец поликлиники или школы извлекает из труда наемного персонала прибыль. Но, опять же, каков источник этой прибыли?

На практике нет никакого затруднения в том, чтобы получать прибыль без точной оценки стоимости продукции. Для этого достаточно назначить цену, заведомо превышающую стоимость, и каким-то образом гарантировать спрос по этой цене. Этот способ называется извлечением сверхприбыли. Когда произносится слово «сверхприбыль», обычно представляются поражающие воображение доходы, нечто вроде сокровищ Монтесумы. Но сейчас мы используем этот термин не в качестве указания на размер прибыли, а только лишь как на особый механизм ее получения.

Сверхприбыль в промышленности может быть четырех видов, различающихся по способу обеспечения гарантированного спроса на товар с завышенной, относительно стоимости, ценой. Первый вид — спекулятивная или конъюнктурная сверхприбыль, когда стимулом для покупателя является либо крайняя собственная потребность в товаре (нередко инспирированная модой или рекламой), либо надежда перепродать его по еще большей цене. Классическими примерами такой спекулятивной торговли являются биржевые сделки или продажа энергоносителей в период экономического бума. Для многих фирм доход от биржевых спекуляций существенно превышает прибыль от продажи продукции,

позволяя «надуть щеки» при разваленном производстве. Своеобразным товаром, продаваемым по явно завышенной цене, является популярное искусство в виде сериалов, ток-шоу и безголосой эстрады.

Второй вид сверхприбыли — монополистская сверхприбыль. При господстве на рынке одной или двух компаний покупателю не остается выбора и он соглашается с любой установленной ценой. В настоящее время практически все рынки монополизированы, так что можно говорить о монополистской сверхприбыли как о повсеместном явлении.

Сверхприбыль третьего вида обеспечивается личным знакомством продавца и покупателя, причем только в тех случаях, когда покупатель расплачивается не своими деньгами. Это банальный блат и с ним все настолько ясно, что мы не будем на этом останавливаться.

Четвертый источник сверхприбыли — снижение себестоимости товара. Нас, в первую очередь, интересует инновационная сверхприбыль. Она образуется, если достижения научно-технического прогресса позволяют снизить трудоемкость, материалоемкость и энергоемкость производства, а консервативность конкурентов поддерживает прежний уровень цен. За счет этого фирма-новатор может вывести на рынок уникальный товар, выпуск которого раньше был нерентабельным, или гарантированно сбыть обычные изделия по немного сниженным, против конкурентов, ценам. Кроме внедрения инноваций, можно перенести производство в страны с мягким климатом и сэкономить на капитальном строительстве и отоплении. Но без определенного технического прогресса и в этом случае не обойтись, так как в подобных странах рабочая сила преимущественно неквалифицированная и требуется максимальное упрощение технологического процесса.

Не следует путать инновационную сверхприбыль со снижением себестоимости за счет усиления эксплуатации работников, также имеющей место при переносе производства из развитых стран на периферию — в последнем случае мы имеем увеличение прибавочной стоимости. На практике эти способы обычно смешиваются, когда фирма, производящая, скажем, мобильные телефоны,

выпускает новые модели на фабрике, находящейся в теплой Малайзии, где живет дешевая рабочая сила.

Какой бы вид не принимала сверхприбыль, она извлекается, в конечном счете, не из труда рабочих данного предприятия, а из карманов всего общества в целом, чем принципиально отличается от прибавочной стоимости. Спекулятивная сверхприбыль разгоняет инфляцию и нагромождает пирамиду фиктивного капитала, которая время от времени рушится и вызывает экономические кризисы. Монополистская сверхприбыль опустошает карман покупателя напрямую, а инновационная заставляет его платить столько же, сколько раньше, тогда как можно было бы сэкономить.

Нетрудно заметить, что все виды сверхприбыли связаны с деятельностью «информационных» социальных групп. Коммуникативная группа формирует шкалу общественных ценностей и, тем самым, ажиотажный спрос на те или иные товары, а также обеспечивает финансовые спекуляции. Бюрократы управляют деятельностью монополий и с помощью блата получают контракты по завышенным ценам. Инженеры и ученые выполняют эти контракты, довольствуясь маленькой зарплатой и рассказами менеджеров о высокой капитализации. А врачи и учителя лечат и учат тех, кто едва может заплатить за их услуги, чтобы бюрократическая верхушка медицины и образования могла хорошо жить, а сами врачи и учителя — так же трудно сводить концы с концами, как и их пациенты.

Таким образом, «информационные» работники, за небольшими исключениями, являются источником сверхприбыли, в то время как рабочие служат источником прибавочной стоимости. Это и есть коренное отличие новых социальных групп от пролетариата — все они являются порождением нового мира и могут находиться между собой в самостоятельных общественных отношениях, не сводимых к антагонизму пролетария и буржуа. На таких отношениях, ранее не описанных в марксистской теории, и должно быть сконцентрировано внимание исследователей.

IV

Как показывает повседневный опыт, отношения между «информационными» социальными группами далеки от равноправных. Бюрократии принадлежит политическая, административная и, в значительной степени, экономическая власть. Медиакратия имеет в обществе самый высокий авторитет. И бюрократия, и медиакратия получают гигантские доходы. А научно-техническая и гуманитарная социальные группы движут общество вперед, но «за бесплатно». Почему? В чем сила бюрократической и коммуникативной групп, которая позволяет им, не имею, зачастую, никакой собственности на средства производства, так опередить в социальном плане своих коллег по производству и переработке информации?

Мы не будем перечислять здесь все рассмотренные и отвергнутые версии ответа на поставленный вопрос, а приведем сразу конечный результат.

Если в капиталистическом обществе социальное положение человека определялось, в основном, размером принадлежащей ему собственности, то в посткапиталистическом, наоборот, — доход человека определяется его положением в обществе. А само положение, или статус, достигается не экономическими методами, за счет формирования определенных межличностных взаимоотношений.

Таким образом, под статусом мы будем понимать общественно признанное право человека на получение части произведенных обществом благ. Социальная жизнь постиндустриального общества имеет в своей основе борьбу за повышение статуса индивидуума и, тем самым, повышение его материального благосостояния. Для иллюстрации этого положения можно вспомнить приведенный ранее пример с фазаном на золотом блюде. Если в капиталистическом обществе человек, желающий отведать престижное блюдо, должен на входе в ресторан заплатить, скажем, 500 долларов, то в постиндустриальную эпоху достаточно каким-то образом суметь пробраться в ресторан и присоединиться к поедателям фазанов, а на выходе вам вручат чек на те же 500 долларов. Но вот чтобы пробраться (то есть повисить свой статус до необходимого уровня), надо постараться!

Статус имеет относительный характер, т. е. отсчитывается относительно наинизшего статуса в данном социуме. Поэтому с ростом минимально необходимого уровня потребления растет потребление на всех уровнях статуса. Даже в сверхизобильном обществе, в котором возможности потребления любого человека теоретически безграничны, разница в статусе будет приводить к разнице в потребляемых материальных благах, если не вещественных, то этических.

Статус конкретного человека складывается из двух составляющих — из статуса его социальной группы и его личного статуса в этой группе. Таким образом, рассматривая социальное положение конкретного высокопоставленного чиновника N. N., мы должны понимать, что оно сформировалось в три этапа. Вначале приобрела высокий статус бюрократическая социальная группа, потом N. N. повысил свой статус до уровня, позволившего ему войти в бюрократическую группу на правах члена с самым малым статусом, и только по прошествии некоторого времени он смог повысить свой статус относительно прочих чиновников до сегодняшнего уровня.

Повысить свой статус можно двумя способами — заслужить или присвоить. Купить его нельзя, поскольку статус сам является источником благосостояния, а не его частью или признаком. Заслужить статус — значит, сделать для общества что-то, что признается в данном социуме ценным. Например, в советское время можно было дать две нормы сверх плана, спасти челюскинцев, подбить немецкий танк или запустить первый спутник. Если же в обществе господствуют «перевернутые» ценности, то заслуженный статус в нем могут иметь воры, убийцы и проститутки. Как бы там ни было, заслуженный статус формируется при установлении следующих взаимоотношений между человеком и обществом — человек прикладывает некоторые усилия на благо общества, а общество признает их ценными для себя. То же самое может быть сказано в отношении не всего общества в целом, а какой-то его части, вплоть до отдельной семьи.

Естественно, что заслуженное повышение статуса не вызывает никаких нареканий. Выдающийся инженер, ученый, педагог, писатель или артист имеют право на преимущественное получение материальных, а тем паче этических благ. Аморально лишь присвоение статуса, преувеличение своего вклада в дос-

тижения общества. Поскольку все материальные блага производятся людьми, то перетягивание статуса на себя и последующее перераспределение потребляемых благ нарушает соответствие потребляемого произведенному. Если кто-то увеличил свой статус за счет другого, то он незаслуженно получил часть чужих материальных благ.

Налицо новый, неизвестный ранее тип эксплуатации. Ее самая общая схема выглядит следующим образом. Пусть у нас есть некоторое предприятие, принадлежащее группе акционеров и управляемое менеджером М. М. Предприятие выпускает нужную обществу высокотехнологичную продукцию, причем главная роль в создании этой продукции принадлежит Инженеру, находящемуся в подчинении у М. М. и имеющему гораздо меньший статус. Благодаря стародавней дружбе с государственным чиновником N. N., М. М. продает продукцию государству по завышенной цене. Полученная сверхприбыль распределяется так: Инженеру минимум, М. М. как можно больше, а акционерам все, что осталось, так как акционеры не входят напрямую в социум «М. М., N. N. и Инженер» и их статус равен нулю. Таким образом, производственная бюрократия эксплуатирует Инженера и все общество, вынужденное оплачивать достаток М. М. за счет собираемых N. N. налогов. Акционеров же никак нельзя считать жертвой эксплуатации, поскольку они сами эксплуататоры, только менее удачливые, чем их наемный работник М. М. К ситуации вполне подходит поговорка «Вор у вора дубинку украл».

Но это еще не все. Господин N. N. собирает налоги со всех, в том числе и с Инженера. Часть зарплаты Инженера, и без того урезанной в пользу М. М., идет на содержание его приятеля, причем N. N. получает ничуть не меньше. М. М., конечно, тоже вынужден поделиться с N. N., но его как-то не жалко. Не жалко и непосредственного подчиненного N. N., начинающего чиновника, который делает за босса всю работу и получает меньше него, хотя и больше Инженера. Между присваивающими статус идет своя борьба за дележ, но необходимо всегда помнить, что, какой бы не была цепочка присвоения статуса, ее исходный пункт один и тот же — это те, кто приносит обществу реальную пользу,

трудящиеся. И, N. N. ли присвоит статус M. M. или наоборот, оба они грабят Инженера и всех остальных инженеров, врачей, учителей и рабочих.

Присвоение статуса всегда происходит через снижение статуса других членов общества. Это присвоение может быть прямым или косвенным. Отобрать статус напрямую можно, узурпировав какие-то полномочия, присвоив изобретение или открытие, поставив свою подпись под чужой статьей, поручив кому-то написать диссертацию и т. п. Второй способ присвоения статуса используется, когда для прямого воровства не хватает возможностей или смелости. В этом случае стараются понизить статус всех окружающих — выставить их дураками, некомпетентными, непорядочными, не обладающими «деловыми» качествами — и выгодно оттенить себя, любимого. Типичный способ косвенного присвоения статуса — завышение значимости своих достижений, например, «раскрутка» бездарных артистов или провозглашение очередных «Утомленных» эпохальным событием отечественного кинематографа.

Как и капитал, статус передается по наследству. Можно предположить, что дети N. N. с рождения записаны в недешевый и престижный детский сад/школу/университет. По окончании университета им гарантирована непыльная работенка в государственных структурах или в коммерческой компании под крылом папиного знакомого M. M., далее — Академия государственной службы или собственный бизнес в режиме максимального благоприятствования, женитьба или замужество в своем кругу с последующим продолжением династии «блатмейстеров» (термин А. Рэнд). В наследовании статуса кроется решение загадки, мучившей всех, кто писал про бюрократию. Общим моментом в ее исследовании является отказ признать бюрократию полноценным правящим классом, поскольку она якобы не может обеспечить собственное воспроизводство, не имея средств производства в собственности и не передавая их по наследству. Но в информационном обществе этого и не нужно! Достаточно передать по наследству статус, открывающий доступ к прибыли от средств производства, непосредственно N. N. не принадлежащих. Так механическое перенесение на постиндустриальное общество принципов, справедливых для предыдущих обще-

ственно-экономических формаций, привело многих исследователей к ошибке в оценке расстановки классовых сил.

Статус должен постоянно обновляться и порождать новый статус. Если не прилагать усилий к повышению статуса, он неизбежно понизится. «Активный» статус, используемый для еще большего присвоения статуса других людей, представляет собой постиндустриальный аналог капитала. Мы не смогли найти для него лучшего определения, чем жаргонное словечко «понты». Изначально оно характеризовало наглое, нахрапистое утверждение своего превосходства в полукриминальной среде, позволяющее добиваться поставленных целей. Постепенно «понты» настолько укоренились в нашем обществе, что привели к появлению пословиц вроде «Понты дороже денег» или «Если бы понты светились, в Москве были бы белые ночи». Каким бы грубым не казалось это слово, оно очень точно характеризует основной принцип присвоения статуса — любым способом снизить статус других людей. Поэтому, а также в силу распространенности и интуитивной ясности, «понты» заслуживают употребления при исследовании постиндустриального общества.

Если капитал увеличивается вложением в производство, то статус — вложением во влияние на других людей, по максимуму на все общество целиком. Если капиталист присваивает и копит вещественные блага, то «понтуалист» — этические. Вполне естественно, что статусная эксплуатация проявляется, прежде всего, во взаимоотношениях «информационных» социальных групп. Учитывая доказанную выше невозможность отнесения этих групп ни к одному из известных классов, логично исследовать, не образуют ли они самостоятельные классы, связанные производственными отношениями на основе статусной эксплуатации. На роль эксплуататоров претендуют бюрократия и медиакратия, на роль эксплуатируемых — научно-техническая и гуманитарная группы.

В соответствии с классическим определением В. И. Ленина, данным им в статье «Великий почин», «классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной органи-

зации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства». Из определения следует, что социальная группа, претендующая на роль класса, должна быть:

1) во-первых, достаточно многочисленной, что для России составит миллион или более человек;

2) во-вторых, эта группа должна иметь единое отношение к собственности на средства производства;

3) в-третьих, группа должна занимать свое собственное место в системе производства материальных благ;

4) в-четвёртых, рассматриваемая социальная группа должна позиционироваться на одной из двух сторон производственных отношений — быть эксплуатирующей или эксплуатируемой, иными словами, иметь антагонистическое противоречие с другой, противостоящей социальной группой.

Как мы уже делали раньше, применим эти критерии к каждой из «информационных» социальных групп. С первыми двумя критериями сложностей не возникает. Все группы в России исчисляются миллионами человек и либо не имеют в собственности средств производства, либо эта собственность не является основой для их существования. Третий критерий также выполняется — все группы определенным образом участвуют в общественном производстве. Медиакратия производит этические блага, бюрократия управляет производством всего и вся, научно-техническая группа создает большую часть потребляемых товаров и все средства производства — основу производительных сил, а гуманитарная группа «выпускает» готовую рабочую силу.

Вопрос с четвертым критерием тоже, на первый взгляд, ясен. Медиакратия и бюрократия присваивают статус научно-технической и гуманитарной групп и, тем самым, перераспределяют в свою пользу произведенный общественный продукт. Это делается разными способами, от принижения заслуг непосредственных подчиненных до замалчивания научно-технической и гуманитар-

ной групп средствами массовой информации или, того хуже, негативного искажения их образа. Наша страна и весь мир обязаны своим существованием ученым, инженерам, рабочим, учителям, врачам, талантливым, а не модным писателям, художникам и музыкантам. Именно их мы должны видеть на экранах телевизоров, обложках книг, театральных подмостках и барельефах в метро. Но из телевизора на нас благосклонно взирает старый знакомый N. N., якобы призванный руководить теми, кому он и в подметки не годится. А вслед за ним ломаются безголосые певцы, косноязычные писатели, пошлые юмористы, крутые герои-уголовники (они же менты-полицейские, спецназовцы-терминаторы, рыцари-колдуны — нужно подчеркнуть) и тому подобные воплощения украденного у действительно достойных людей статуса. В противоположность «правильным» персонажам массовой культурой формируются образы инженера как бестолкового очкарика, а учительницы — как толстой глупой тетки, ничего не понимающей в душах «современных и продвинутых» учеников, каждый-де из которых «яркая индивидуальность», а то и «индиго». Сплошным потоком тиражируются анекдоты про «рассеянного профессора» и про «Вовочку», которые в информационную эпоху далеко не безобидны, так как не только веселят публику, но и формируют у нее необходимые власть имущим стереотипы.

Факт несправедливого перераспределения статуса между «информационными» социальными группами не вызывает сомнения. Но имеет ли место в данном случае антагонистическое, принципиально неустранимое противоречие? Противоречие между капиталистом и пролетарием является именно таким — капиталист может снизить прибавочную стоимость, частично заменив ее сверхприбылью или переложив на плечи пролетариев других стран, но, как показывает практика, полностью отказаться от нее не может. Как бы не мала была прибавочная стоимость, сам факт ее существования означает обкрадывание капиталистом рабочего и, следовательно, наличие между ними противоречий. Исчезнуть прибавочная стоимость может только с исчезновением одного из антагонистических классов — капиталистов или пролетариата (в случае полной и всеобщей автоматизации производства).

Нечто подобное должно наблюдаться и во взаимоотношениях «информационных» групп. Однако, поскольку присвоение статуса связано с накоплением не вещественных, а этических благ, предметом неустранимого противоречия должны также являться этические блага. Сколько не поднимай зарплату инженера или врача, у начальствующего над ними бюрократа всегда будет преимущество в важнейшем из этих благ — праве на самореализацию. Вспомним, что все «информационные» группы заняты творческим трудом, в котором ключевым фактором является принятие решения. Но бюрократия монополизировала право на решения, сделав тем самым практически невозможной самореализацию тех, кто находится у нее в подчинении. Очевидно, что в силу самой природы решения, его может принимать либо инженер, либо бюрократ, но никак не оба вместе. Как показывает история развития техники, решения бюрократов и инженеров чаще всего оказываются диаметрально противоположными. В результате бюрократия тормозит научно-технический прогресс, подменяя его всем спектром суррогатов, от бесконечных косметических переделок автомобилей «ВАЗ» до насаждения лженауки. «Экологическая ниша» ученых и инженеров сужается и, в конечном итоге, всевластие бюрократии может привести даже к деиндустриализации страны. Оглянитесь вокруг, читатели...

То же самое можно сказать про врачей и учителей, хотя их конфликт с бюрократией менее глубок, нежели с медиакратией. В процессе присвоения статуса победителем заведомо оказывается человек с заниженными, по сравнению с соперниками, моральными нормами. Сформированная из таких типов медиакратия, лишенная контроля со стороны остального общества (характерная примета сегодняшнего дня!), распространяет только те ценности, которые разделяет сама и при господстве которых имеет наивысший статус. Но эти ценности неизбежно входят в противоречие с ценностями, на базе которых веками и тысячелетиями формировались образовательная и врачебная традиции. При любых недостатках, система образования основана на превращении ребенка в члена общества и привитии ему высоких моральных качеств, без которых социум превращается в обезьянью стаю. При любых недостатках, медицина ориентирована на сохранение здоровья человека, в том числе путем изживания стрессов и всех

видов вредных привычек. Когда врачи и учителя имеют возможность высказываться независимо, они единодушно утверждают, что насаждаемые СМИ ценности способствуют развитию у детей низменных качеств, вредных привычек и хронического нервного перенапряжения на почве межличностного соперничества и зависти. Таким образом, господство медиакратии не позволяет гуманитарной группе реализовать себя в части формирования новых членов общества с соответствии с профессиональными идеалами.

Кстати сказать, навязываемая обществу система ценностей неблагоприятна и для научно-технической группы. Для доказательства этого тезиса достаточно посмотреть на ассортимент печатной продукции, в котором на одном из первых мест стоят произведения в жанрах мистики и «фэнтези» с «хорошо сбалансированным эльфийским клинком» в качестве альтернативы техническому прогрессу.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о существовании в постиндустриальном обществе двух новых антагонистических классов. Эти классы, как связанные с самой современной тенденцией информатизации производительных сил, являются передовыми по сравнению с классами, сохраняющимися от прежних формаций. Передовой эксплуатирующий класс можно назвать суперстатусным, так как его статус искусственно завышен, а эксплуатируемый класс, соответственно — субстатусным. Основу суперстатусного класса составляют бюрократия и медиакратия, основу субстатусного — научно-техническая и гуманитарная группы. В субстатусный класс входит также определенная часть коммуникативной группы. Мы сознаем, что названия «суперстатусный» и «субстатусный» являются не слишком удачными, хотя и характеризуют суть новых классов. Поэтому мы предлагаем именовать суперстатусный класс «корпоративным» не только в силу его ведущей роли в корпорациях, но и из-за своеобразной структуры в виде корпоративных сообществ, связанных блатом. Название «корпоратисты» уже было применено С. Морозовым в его книге «Заговор против народов России сегодня» к приблизительно такой же социальной общности. Корпоративному классу, или корпо-классу (corpo-class), противостоит

фор-класс (for-class), обеспечивающий движение человечества вперед по пути развития производительных сил.

Всегда, когда классы состоят из различных малосвязанных социальных групп, им не хватает внутреннего единства. В фор-классе, к счастью, отсутствуют объективные противоречия между научно-технической и гуманитарной группами, но отсутствует и понимание общности их интересов. В корпоративном классе это понимание выражено ярче, зато имеет место постоянный конфликт за первенство в дележе присвоенного статуса. Бюрократия ностальгирует по не столь далеким временам, когда средства массовой информации были послушны государственной власти и не слишком довольна ценностями, распространяемыми СМИ. Недовольна, естественно, лишь недостаточной пригодностью усвоивших эти ценности к эффективному производительному труду на благо бюрократии. А медиакратия опасается за недавно обретенную независимость и обороняется «разоблачениями», опасными для отдельных бюрократов, но не для бюрократии в целом. Прибегая к историческим параллелям, ситуацию в суперстатусном классе можно сравнить с соперничеством церковных и светских феодалов в Средние Века. Но, при необходимости, бюрократия и медиакратия способны к эффективному сотрудничеству. Например, не столь давно бюрократия административными методами обеспечивала заполнение кинотеатров для просмотра нового «утомленно-утомляющего» кинофильма.

V

Рассмотрев новые классы, сформировавшиеся в постиндустриальном обществе, рассмотрим положение других классов, унаследованных этим обществом от предыдущих формаций. В постиндустриальном обществе сохраняются буржуазия, пролетариат, остатки крестьянства и многочисленные небольшие социальные группы с неопределенным классовым положением. Давая характеристику их социальному положению, необходимо четко различать уровень материального благополучия и возможности влияния на положение дел в обществе. В силу общего роста зажиточности за последние 50—60 лет, можно утверждать, что современные рабочие и капиталисты стали существенно богаче по

сравнению со своими индустриальными предшественниками. Но вот общественная роль этих классов существенно снизилась. На протяжении 20 века развитие монополистического капитализма включало три параллельных процесса — укрупнение предприятий с последующей монополизацией рынков, диффузию акций и опережающее развитие финансового сектора. Следствием стало исчезновение «классического» капиталиста как полновластного хозяина и организатора производства. Основа экономики — крупные промышленные и финансовые корпорации — находятся фактически в руках их менеджмента, а не акционеров. Контрольный пакет акций стал редкостью, максимум, на что может рассчитывать акционер-одиночка, да и то из самых богатых, это блокирующий пакет. От контроля корпоративной бюрократии избавлены только небольшие фирмы в сервисном и высокотехнологичном секторах, то есть предприятия с коротким жизненным циклом от создания до банкротства или поглощения. Подобные предприятия, даже будучи весьма многочисленными, не могут играть в экономической системе роль, сравнимую с бюрократизированными транснациональными корпорациями.

С другой стороны буржуазию атакует государственная бюрократия, все более и более, прямо или косвенно (путем налогообложения и формирования законодательной базы), вмешивающаяся в экономику. От «нового курса» Рузвельта до обещаний президента Обамы национализировать банковский сектор, от советской национализации до «Газпрома» и «РЖД» — таков размах экономической деятельности современных государственных структур. Говоря военным языком, современная буржуазия прочно взята «в клещи» государственной и корпоративной бюрократией. Об этом красноречиво свидетельствуют заголовки СМИ вроде «Чиновники кошмарят бизнес!», но что-то мы ни разу не видали заголовка «Спасите чиновника от бизнесмена!».

Современная буржуазия находится в остром противоречии с бюрократией, что, впрочем, не мешает соперникам находить общий язык по множеству частных вопросов. Никаких шансов на реванш у буржуазии нет, в конкуренции с бюрократией она обречена на неминуемый (в долгосрочной перспективе, конечно) проигрыш, так как бюрократ всегда будет быстрее осуществлять накоп-

ление этических благ, нежели капиталист вещественных. Наблюдаемый с 80-х годов прошлого века ренессанс либерализма не может служить опровержением нашего тезиса, современный либерализм, как в теории, так и на практике выражает интересы не буржуазии, а корпоративной бюрократии, хотя и прикрывается фразеологией времен Адама Смита.

Положение рабочего класса в постиндустриальном обществе подстать положению буржуазии. Не являясь больше передовым производящим классом, он, в основном, старается сохранить свои социальные завоевания. С пролетариатом происходит то же, что и с крестьянством при разложении феодального строя — одна часть приспособляется к новым условиям, другая входит в состав передового производящего класса, третья деклассируется. К счастью, переход пролетариев в научно-техническую социальную группу выглядит совсем не так, как превращение обезземеленных крестьян в пролетариат. Вместо полного обнищания — повышение зарплаты, квалификации и чувства собственного достоинства, вместо спецовки — белый халат. Деклассирование тоже выглядит относительно пристойно — бывшие рабочие (чаще работницы) уходят в сферу обслуживания. Тем не менее, результат процесса тот же, что и раньше — расслоение класса и его неспособность к самостоятельным социальным движениям, способным потрясти устои общества.

Господство сверхприбыли существенно снизило эффективность такого оружия пролетариата, как забастовка. Если владельцы фирмы имеют основную прибыль не от производства, а от биржевых спекуляций, то они могут выдерживать забастовку гораздо дольше, чем рабочие. С другой стороны, сверхприбыль позволяет подкупать лояльных рабочих повышением зарплаты без существенного ущерба для кармана владельцев предприятия. Поэтому в продолжающемся извечном противостоянии рабочих и капиталистов перевес однозначно сместился в пользу последних, как бы в утешение за неудачи в борьбе с бюрократией. Возможность наращивать давление на пролетариат в какой-то мере компенсирует потерю доходов капиталиста от раздела сверхприбыли с бюрократией и делает положение буржуазии относительно прочным.

Пролетариат не имеет антагонистических противоречий с фор-классом (что очевидно) и с корпоративным классом (что не столь очевидно). С точки зрения существующей политэкономии, противоречий между этими классами вообще быть не должно — пролетарий, инженер, и бюрократ являются наемными работниками и живут на зарплату, разве что жалование бюрократа и инженера начисляется из постоянного капитала, а жалование рабочего — из переменного. Часть зарплаты административного и инженерного персонала входит в цену каждого выпущенного изделия так же, как амортизационные отчисления. Соответственно, переразмеренные оклады менеджеров (оклады инженеров, почему-то, такими не бывают) непосредственно бьют по карману не рабочего, а покупателя и владельцев предприятия, причем последние теряют на этом немалую часть прибыли. Компенсация недополученной прибыли также проще и легче осуществляется за счет сверхприбыли, например, игрой на курсе акций, а не от выжимания дополнительной прибавочной стоимости.

Однако, было бы неверным полагать, что пролетариат не имеет с корпоративным классом никаких противоречий. Положение пролетариата в постиндустриальном обществе двойственное — он подвергается как капиталистической, так и статусной эксплуатации. Завышение статуса бюрократии и медиакратии происходит, в том числе, и за счет рабочих. Но, в отличие от ситуации с фор-классом, данное противоречие не носит неразрешимого характера. В случае острой необходимости, корпоратисты могут пойти на любые уступки пролетариату, не подвергая риску свое господствующее положение в обществе. Даже непосредственное участие рабочих в управлении предприятиями ощутимо затронет только корпоративную бюрократию, в то время как другие части супер-статусного класса, государственная бюрократия и медиакратия, останутся в безопасности. Причина кроется в том, что интересы пролетариата, которые он готов отстаивать в ходе классовой борьбы, лежат, преимущественно, в области вещественных благ, а господство корпоративного класса держится на владении благами этическими. Тем не менее, пролетариат является естественным союзником фор-класса в борьбе с несправедливым распределением статуса, подобно

тому, как мелкособственническое крестьянство в 1917 году было союзником пролетариата.

Какими бы не были изменения в соотношении сил между пролетариатом и буржуазией, оба эти класса утратили положение передовых в связи с переходом производительных сил на новый, информационный уровень. Как следствие, капиталистические отношения в постиндустриальном обществе играют второстепенную роль по сравнению с взаимоотношениями, основанными на присвоении статуса. При этом нас не должно вводить в заблуждение повсеместное господство терминологии и понятийного аппарата, унаследованных от эпохи капитализма. Частично, это является следствием быстроты общественных процессов, за которыми не успевают наука и обывательское сознание. Частично же имеет место сознательная маскировка, призванная отвлечь внимание от подлинных виновников и выгодоприобретателей нового типа эксплуатации. Эффективность такой маскировки становится вполне объяснимой, если учитывать возможности заинтересованной в ней медиакратии.

VI

Приняв вторичность капиталистических отношений по сравнению с отношениями статуса, мы должны окончательно сделать вывод о том, что постиндустриальное общество не является капиталистическим, а представляет собой новую общественно-экономическую формацию. Марксизм-ленинизм определяет формацию как общество на данной исторической ступени своего развития, в основе которого лежит определенный способ производства материальных благ. Способ производства характеризуется сочетанием определенных производительных сил и производственных отношений. В свою очередь, производительные силы включают в себя предметы труда, орудия производства и рабочую силу, а производственные отношения определяются характером производства (общественное ли частное) и характером присвоения произведенного продукта. Три составляющие производительных сил и две составляющие производственных отношений образуют пять характерных признаков формации.

Производительные силы постиндустриального общества были описаны нами в первой половине статьи и, как нам кажется, не должно возникать никаких сомнений, что эти силы претерпели в последнее время кардинальные изменения по сравнению с предыдущими эпохами. Основным (то есть определяющим прогресс производительных сил) предметом труда, вместо вещей, стала информация. Основными орудиями производства, вместо станков, являются средства накопления и обработки информации. Наконец, передовой частью рабочей силы стали «информационные» социальные группы, а не фабрично-заводские рабочие.

В части производственных отношений прежним остался общественный характер производства и в обозримом будущем ему не видно замены. А вот характер присвоения произведенного продукта изменился, причем присвоение произведенного продукта на основе присвоения статуса не может быть отнесено ни к частному, ни к общественному. Дело в том, что корпоративный класс непосредственно не является собственником присваиваемых материальных благ, формально они принадлежат кому-то другому, частному лицу или государству, но передаются бюрократам и медиакратам за их «выдающиеся заслуги». В соответствии с названием заинтересованного класса, такой способ присвоения мы будем называть корпоративным. Нетрудно заметить, что он представляет собой промежуточную ступень между частным и общественным присвоением, соответственно, противоречие между характером производства и присвоения продолжает сохраняться. Однако, определенное движение в сторону общественного присвоения произведенного продукта налицо, что явно указывает на прогрессивность новой формации по сравнению с капитализмом.

В силу того, что из пяти признаков формации по четырем наблюдаются серьезные различия с капитализмом, вопрос о существовании новой формации может считаться решенным положительно. В этой формации, которую мы с определенной долей иронии предлагаем назвать «понтуализмом» (pontualism), продолжают сохраняться капиталистические отношения и характерные для капитализма классы, но они уже являются пережитками прошлого. Вместе с тем, для понтуализма характерно зарождение новых общественных отношений, ярче

всего проявляющихся в области производства «чистой» информации. Эти отношения являются следствием повседневной деятельности фор-класса и той части коммуникативной группы, которая не вошла в корпоративный класс. Сегодня мы можем видеть, как различные информационные продукты распространяются совершенно бесплатно. Существует огромное число сайтов, на которых можно выложить написанную программу и скачать результаты труда других энтузиастов. Стимулом к участию в таких обменах служит творческое начало программиста и надежда получить взамен что-то, необходимое для собственной работы. Аналогичные процессы происходят в области литературного творчества и распространения учебных материалов. В интернете имеются огромные библиотеки, сбор которых потребовал немало труда. Единственными благами, которыми вознаграждается создание сетевых библиотек, являются этические блага в виде благодарности читателей.

Подобные явления можно с большой долей уверенности назвать первыми реальными ячейками коммунистического общества. Это следует не только из самих приведенных фактов бескорыстия, но — и это самое важное! — из того, что данные бескорыстные отношения проявляются в единственном классе, который может обеспечить обязательное для коммунизма изобилие материальных благ. Поэтому мы можем дать понтуализму следующее определение.

Понтуализм — это антагонистическая постиндустриальная общественно-экономическая формация, основанная на статусной эксплуатации и являющаяся промежуточной между монополистическим капитализмом и коммунизмом.

Это определение призвано заменить известное определение социализма как промежуточной формации между капитализмом и коммунизмом и, одновременно, первой стадии коммунизма. Социализм (не теоретический, а реальный советский) может рассматриваться как частный случай понтуализма, в котором капиталистические пережитки сведены к минимуму и представлены некоторыми элементами государственного капитализма. Промежуточное, переходное положение новой формации между капитализмом и коммунизмом явля-

ется дополнительной причиной для использования названия «понтуализм» — по-французски слово «pont» означает «мост».

VII

Авторы изложили свои взгляды на классовую структуру современного общества, но это изложение было бы не полным без предложения некоторых мер по борьбе с существующей в обществе несправедливостью. Как и любая антагонистическая формация, понтуализм обречен на классовую борьбу, которая должна завершиться победой новых, в данном случае коммунистических, общественных отношений. У корпоративного класса есть своя ахиллесова пята, заключающаяся во лжи, которая лежит в основании статусной эксплуатации. Эта ложь явно или неявно принята подавляющим большинством членов общества и заключается в молчаливом признании за корпоративным классом неких достоинств, позволяющих ему претендовать на преимущественную часть материальных благ. Статусная ложь пропитала все поры общества и остается незамеченной большинством именно из-за своей грандиозности. Каждый может назвать десяток-другой случаев вопиющего несоответствия заслуг и их признания, причем как в одну, так и в другую сторону. Но почти каждый утешается тем, что это «частные случаи» и полагает, что большинство незнакомых ему наделенных властью или известностью людей владеют всем по праву. А иначе в мире становится как-то уж слишком неуютно и исчезает одно из главных этических благ — душевный комфорт.

В соответствии с марксистской теорией, капитализм основан на большой частной собственности и маленькой лжи, будто капиталист оплачивает рабочему его труд (в действительности — только стоимость рабочей силы). А в обществе статуса можно не владеть собственностью на средства производства и жить припеваючи, потому что существует большая ложь о твоей важности для общества. Правда, это же ведет к печальному для нашего N. N. обстоятельству — он в «Мерседесе» только до тех пор, пока общество признает его статус. Если по каким-то причинам ценности общества изменятся и иметь «Мерседес», четырехкомнатную квартиру и пост в городской администрации станет не престиж-

ным, а постыдным, господин N. N. мгновенно перестанет быть господином. Как ни обидно, но его власть над нами, по существу, держится только на нашей готовности считать его начальством и ценить в жизни то, что ценит он сам.

Конечно, неверно было бы утверждать, что корпоративный класс не имеет другой опоры, кроме лжи о его праве руководить. Это лишь главная основа бюрократической власти, а ее повседневным инструментом является административный ресурс. Иерархическая система командования и подчинения позволяет лишить недовольных куска хлеба, чести и достоинства, свободы и даже жизни. Поэтому в борьбе с бюрократией и медиакратией — а мы надеемся, что никто из наших читателей не сомневается в необходимости такой борьбы — полагаться исключительно на «революцию ценностей» бессмысленно. Классовая борьба в обществе статуса должна иметь два главных направления — борьба с непосредственной практикой присвоения статуса и борьба за изменение этических ценностей общества, делающих возможным это присвоение.

Что может сделать Коммунистическая партия для того, чтобы привести свою деятельность в соответствие с требованиями подобной борьбы? Прежде всего, пересмотреть некоторые теоретические положения, в том числе закрепленные в программных документах. Это болезненный, но необходимый процесс. На наш взгляд, самым важным — и самым трудным! — будет отказ от возрождения социализма как главной цели деятельности партии и объявление таковой целью переход к коммунистической формации. «Новый» социализм, будучи частным случаем понтуализма, не приведет к разрешению антагонистических противоречий, связанных с несправедливым распределением статуса, и не должен рассматриваться как самоцель. Еще хуже выглядят требования «обновления» социализма путем введения в него рыночных элементов, иными словами, видение прогрессивной черты завтрашнего дня в том, что уже сегодня стало пережитком прошлого!

Основной целью коммунистической критики должны стать бюрократия и медиакратия, а не буржуазия, а самой важной аудиторией — фор-класс. Последнее будет тем проще, чем скорее партия осознает, что инженеров, ученых и учителей в ней гораздо больше, чем рабочих и крестьян, и что это не недоста-

ток, а преимущество. Но при работе с фор-классом придется отказаться от многих приемов, перешедших в сегодняшнюю партийную деятельность аж со времен «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Основанные на эмоциональном воздействии агитационные материалы не подействуют на ученых и инженеров. Логика, доказательность, опора на достижения наук — вот какой должна быть основа коммунистической работы в интеллектуальной среде. И чем быстрее партия покончит с проявлениями антинаучности, подобными упоминавшейся в начале статьи книги В. С. Никитина, тем лучше.

Свое внимание к нуждам фор-класса Коммунистическая партия должна постоянно подтверждать заботой о научно-техническом прогрессе. К сожалению, пока что эта забота носит характер справедливых, но от этого ничуть не более действенных заявлений. Непосредственная работа с учеными и изобретателями могла бы дать, на наш взгляд, куда как больший эффект.

Популярный тезис о скорейшей национализации ключевых отраслей экономики также должен быть проанализирован на предмет целесообразности. Без борьбы с присвоением статуса национализация приведет только к передаче собственности из рук корпоративной бюрократии в загребушие лапы государственного чиновничества. Мы, естественно, не являемся противниками национализации, но при ее проведении должны быть найдены такие способы управления национализированными предприятиями, чтобы они больше не служили средством выкачивания прибавочной стоимости или незаслуженного статуса. А это будет куда сложнее, чем сама национализация.

И, наконец, о выборе союзников. Разумеется, рабочий класс должен быть союзником фор-класса и с этим никто не спорит. Но называть потенциальным союзником мелкую буржуазию — это уже ни в какие ворота не лезет. Мелкие предприниматели — самые слабые и консервативные представители класса, который потерял первенство и вынужден делиться богатством и влиянием с преуспевающим конкурентом. Зачем Коммунистической партии такой союзник? А уж об «офисном пролетариате» лучше и вовсе забыть. То, что под ним чаще всего разумеют, представляет собой не пролетариат, а «офисный планктон», подножие бюрократической социальной группы. Единственная мечта «офисного

планктона» — забраться повыше по статусной лестнице за счет менее удачливых коллег и «быдла» за стенами конторы. Когда это не удастся, «планктон» может слегка фрондировать, но никогда не станет противником системы присвоения статуса.

Если уж говорить о союзе с передовыми представителями правящего класса, то ими должны стать те члены коммуникативной группы, которые не вписались в медиакратию. Один известный писатель, критикующий общество статуса, сделает для коммунистов больше, чем все владельцы мелких магазинчиков в России. Если добавить несколько таких книг к работе по другим предлагаемым направлениям — глядишь, и «За іра! Дело пойдет на лад!».

И. Князев, О. Строгов, инженеры

<http://экономикаизобилия.рф>

strogov1980@yandex.ru

economax@ymail.com